

К 40 - ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

В конце июля 1941 года фашистские танки прорвали оборону западнее Гомеля. Нас, помнится, построили на гарнизонном плацу, в г. Клинцы Брянской области, где я служил с ноября 1940 года, объявили: «Желающие принять участие в отражении танков, три шага вперед!» Вышли из строя шестьдесят шесть красноармейцев и младших командиров, в том числе и я. Тут же всех снабдили необходимым боезапасом, продуктами питания, погрузили на автомашины и повезли на место предполагаемого боя с бронированными чудовищами.

Страшно ли было? Да, конечно, по себе сужу: мурашки по телу пробегали. Ведь тогда к настоящему бою с танками мы готовились впервые в жизни. Но старались не показаться трусами друг перед другом, крепко, как могли.

Однако, как выяснилось, позже, на месте, тревожились напрасно. Вражеские танки пошли южнее нашего оборонительного участка.

После этого всю нашу группу влили в одну, уже побывавшую и основательно потрепанную в боях, воинскую часть. В этой части я и принял, как говорят, первое боевое крещение.

Имея на вооружении лишь карабины да гранаты, бойцы моей группы однако не дрогнули, дрались отважно. Группа стала сразу же ударным кулаком всей части. Подолгу она сдерживала натиск фашистов, изматывала их силы, выбивала людей, не сходила с места, пока не поступал приказ командования.

Так мы и действовали до самого конца августа. Дошли до Таллина. Здесь бойцов посади-

ли на корабли, чтобы по морю эвакуировать в Ленинград. Не скрою, солоно пришлось нам. Немецкие стервятники буквально висели над кораблями, море кипело от непрерывных бомбежек. Гибли корабли, гибли люди.

Уже не遠далеке от Кронштадта ночью немецкие самолеты, чтобы обнаружить наши корабли,

Проснулся — и глазам не верю. Тишина, просторная светлая изба, и я на русской печи, в каких деревенские женщины пекут хлеба. И снова глубокий сон почти на трое суток.

Позже узнал. Подобрали меня, оказывается, на берегу лесника с женой. Они и притащили в свою избу. Помаленьку, как говорят, очухался, с помощью все тех же лесника и его жены, пошел по начальству. Месяц и двенадцать дней выясняли: «Кто я? Как появился здесь, в Крон-

де мы, связисты, искали порывы, связывали провод, обеспечивали надежную связь вплоть до 12 января 1943 года.

Немало пришлось пережить и после прорыва блокады Ленинграда. В группе 28 бойцов-разведчиков я был связистом. Неоднократно уходили мы в рейды по тылам противника, выявили и передавали своим координаты огневых точек врага, скопления его войск, техники, складов горючего и боеприпасов.

По данным, добытым развед-

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВЕТЕРАНА

ДОРОГАМИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ...

навешали на парашюты сотни осветительных ракет. Началась жестокая бомбежка. В корабль, на котором был и я, угодила не одна бомба. Он горел, кренился на один бок, начал тонуть. Последовала команда: «Покинуть борт судна!» Солдаты и матросы прыгали в кипящую воду. Прыгнул и я. Недалеке увидел бревно. Ухватился за него и стал грести, действуя руками и ногами, в сторону предполагаемого берега. Сколько времени проплыл так, не помню. Но чувствую, что на бревне далеко не уйдешь, надо искать что-то полегче, понадежнее. И тут попала в глаза часть спасательного круга. Подрулил к нему, приделал к себе и, ориентируясь на Большую Медведицу, поплыл быстрее.

Около суток в воде среди беснующихся волн, промерзший до костей, наконец, добрался до берега. Вышел. И тут же свалился, потеряв сознание.

штадте?» Затем отправили в Ленинград. Послали в запасной артиллерийский полк на должность старшины. Занимался там подготовкой солдат к боевым действиям.

Это тыловое дело никак не устраивало меня. Рвался на фронт. Всякими правдами и неправдами добился наконец. В июне 1942 года зачислили в тридцатую отдельную артиллерийскую батарею разведки — связистом на Ленинградский фронт в район Невской Дубровки. На противоположном берегу Невы был поселок Московская Дубровка. Там наши боевые части держали отбитый у немцев плацдарм (его называли Невским пятачком). С этим пятачком и надо было обеспечить надежную телефонную связь.

А это непросто. Телефонный кабель, протянутый по дну реки, то и дело рвался от попадания бомб и снарядов. Десяти раз в день под жестоким огнем противника, в холодной во-

группой, наши артиллеристы уничтожили 150-миллиметровую батарею фашистов, нанесли сильнейший удар по скоплениям немецких автомашин, уничтожили до батальона пехоты.

В ноябре сорок третьего года подразделение, в котором был и я, перебазировалось на финский участок фронта, в район Выборга, а в декабре я был прикомандирован к спецгруппе армейской разведки. Началась подготовка к переходу линии фронта. Проникли в тыл врага в феврале сорок четвертого. Надо было отыскать штаб немецкого корпуса, который находился в 12 километрах от линии фронта, в лесу. Нашли. Я был в прикрытии. На вторую ночь без единого выстрела удалось снять часовых, блокировать помещение штаба. Уничтожили мы тогда более десятка фашистов, взяли штабные документы, много оперативных карт, советских денег. В наши руки попал живым начальник караула — фашистский офицер. К утру, нагруженные всем, что удалось добыть, мы перешли линию фронта, оказались у своих, хотя и потеряли трех товарищей, в том числе командира — старшего лейтенанта В. И. Котова, четверо человека были ранены.

За эту операцию я был награжден орденом Красной Звезды. Летом погнало врага от Ленинграда в Прибалтику. Восьмого мая в Курляндии фашисты выбросили белые флаги, стали сдаваться в плен. Но и после капитуляции в лесах скрывалось много фашистов и власовцев. Немало от их рук погибло наших солдат.

Дороги, пройденные в военные годы, никогда не забудутся. Они пройденны не даром.

Н. ЧЕРКАШИН,
ветеран войны.